

МНИМЫЙ БЛОК?

Статья С. В. Шумихина

В начале 1925 г. Б. А. Садовской, живший тогда в Нижнем Новгороде, предложил журналу «Новая Россия» для опубликования ряд своих рассказов и стихотворений, три адресованных ему письма: Блока, В. Я. Брюсова и В. В. Розанова, — а также хранившуюся у него «Солдатскую сказку», по утверждению Садовского неизвестное и никогда не издававшееся произведение Блока. «Солдатская сказка» появилась в № 3 «Новой России» за 1926 г. с предисловием Садовского, в котором излагалась ее история. Садовской писал: «В январе 1915 г. А. А. Блок предложил мне шутивное пари. Он обязывался в три дня написать модный в те дни „военный рассказ“, а я должен был его пристроить под видом „пробы начинающего автора“. Если рассказ напечатают, Блок ставит мне бутылку шампанского, в противном случае угощаю я. Гонорар назначался в пользу раненых. При этом А. А. взял с меня слово о полнейшем соблюдении его инкогнито. Ровно через три дня я получил по почте переписанную на машинке „Солдатскую сказку“ и снес ее сначала А. А. Измайлову в „Биржевые ведомости“. Измайлов сказку не принял, так как „французы — наши союзники“ (в сказке взят 1812 год и лубочный Наполеон); в „Ниву“ ее не взяли по причине „чрезмерной оригинальности“ (буквально так и выразился Светлов); редакцию „Вершин“ смутило, что „автор никому не известен“. Наконец, я отправился в „Лукоморье“, с отчаяния пустившись на хитрость: так как рассказ, по уговору, составлял мою собственность, я, скрепя сердце, повытравил из него „чрезмерную оригинальность“, надеясь таким образом разыграть пари вничью. Но и это не помогло. Сказку не напечатали, и мне пришлось, уезжая на пасху в Нижний, выставить Блоку бутылку неизмеримо вздорожавшего к тому времени шампанского»¹.

Содержание «Солдатской сказки» таково: «Бонапарт французский Наполеон», желая завоевать Россию, посылает предварительно русскому царю 12 своих «генералов-маршалов: Мурата, Ноя, Дави, — а всех и не выговоришь натошак», с предложением царю кормить их целый год, причем подавать непременно на серебре. Хотя и отговаривал Александра I от этого «генерал Аракчей», хитрый «сенатор Сперанец» склонил императора пустить генералов в Россию. Поместили их на особой «фатере», где они принялись за свой козни. Подадут, например, чай в серебряном самоваре — выпьют они целый самовар, а затем и сам самовар съедят, а заодно и серебряный чайник, серебряные стаканы, ложечки и т. д. То же самое и за обедом и за ужином. «Что маршалам ни подадут к обеду, к ужину, или к чаю, все они и с посудой дочиста уберут; началась у нас в серебре нехватка, и стало казенное богатство убавляться, не из чего, гляди, и монету бить». Расклеили тогда на столбах «надписания» с вызовом спасителя отечества. Вызвался некий Заспиха из Калуги. Его поместили вместе с генералами под видом «тараканского короля». Сел «король» пить с генералами чай, и как только один из генералов принялся грызть серебряный самовар, Заспиха хватил его кочергой по затылку, так что тот «под стол свалился, живой или мертвый, не разберешь: глаза открыты, а сам не дышит: ошпевило, значит», а следом за ним и всех остальных таким же манером. На другой день еще не пришедших в себя генералов повезли на площадь, где в присутствии царя с сановниками и при большом стечении народу Заспиха поочередно давал каждому сереброду по затылку, после чего у тех из глотки начинало сыпаться серебро. Когда все серебро было извлечено, генералов окунули в смолу, вываляли в пуху и в таком виде отправили во Францию. Подобного поношения Наполеон не мог стерпеть и разразилась война 1812 г.

Публикация «Новой России» не прошла незамеченной. В 1928 г. в журнале «Печать и революция» А. Желанский поместил заметку «Мнимая сказка Блока»². Желанскому удалось установить источник «Солдатской сказки»: выяснилось, что это подлинная народная сказка, записанная в Пермской губернии священником Петром Словоцким еще в 1848 г. и дважды воспроизводившаяся в печати в специальных изданиях по этнографии — в 1-м томе «Записок

Русского императорского географического общества» по отделению этнографии за 1867 г. и с небольшими изменениями в 41-м томе тех же «Записок» 1914 г. издания³. Желанский отметил, что Блок не механически переписал сказку, а переработал ее стилистически и частично сюжетно: так, в оригинальной сказке извинителем России от серебродедов является не Заспиха, а безымянный поп-расстрига, горчайший пьяница, который вначале проглатывает французских генералов одного за другим, подцепляя их громадной вилкой в качестве закуски к бутылки «простого вина», а на площади отгрызает их, заставляя, в свою очередь, отгрызнуть проглоченное серебро. Существенное значение имеет замечание Желанского о том, что неизвестно, кому эта переработка принадлежала, так как Садовской, печатающая «Сказку», не указал, какую редакцию — блоковскую или свою — он печатает. Добавим, что текст, напечатанный в «Новой России», приведен к литературной норме; вместо буквального воспроизведения простонародного пермского говора середины XIX в., как в этнографических публикациях, дана стилизация в лесковском или ремизовском духе. «Ясно одно, — заканчивал свое сообщение Желанский, — в „полном собрании“ Блока „Солдатской сказке“ не место».

Составители первого Полного собрания сочинений Блока все же сочли возможным включить «Солдатскую сказку» в 12-й том собрания, правда не в основной корпус книги, а в «Приложения», указав в качестве источника на публикацию Садовского⁴. Редактор этого тома В. Н. Орлов мотивировал свое решение так: раз Желанский доказал, что Блок не механически переписал народную сказку, а пересказал ее. Орлов «счел возможным ввести „Солдатскую сказку“ в Собрание сочинений Блока (...) — по тем же основаниям, по которым, к примеру, в собрании сочинений Пушкина печатаются записанные и обработанные им песни о Степане Разине»⁵.

В позднейших собраниях сочинений Блока «Солдатская сказка» не печаталась, однако принадлежность ее перу Блока не ставилась под сомнение. В 8-томном собрании сочинений «Сказка» учтена в разделе «Произведения Блока, не вошедшие в настоящее собрание сочинений» (VIII, 752).

Такова экспозиция. В связи с подготовкой академического Полного собрания сочинений и писем Блока целесообразно вернуться к «Солдатской сказке» (затронув попутно и некоторые другие произведения, приписанные Блоку), с тем, чтобы прояснить историю этой довольно странной и весьма необычной для творчества Блока стилизации. Обнаруженные в результате архивных разысканий новые факты позволяют это сделать.

Прежде всего отметим, что история пари, заключенного, по словам Садовского, между ним и Блоком (причем, по инициативе последнего), не нашла никакого отражения в записных книжках Блока за январь—февраль 1915 г. В них есть упоминания о работе в эти месяцы над статьей «Судьба Аполлона Григорьева», но ни слова о «Солдатской сказке».

Если вернуться к предисловию Садовского к его публикации в «Новой России», то можно заметить, что к 1926 г. никто из упомянутых там конкретных лиц не мог ни подтвердить, ни опровергнуть рассказ Садовского: А. А. Измайлов умер в 1921 г., а В. Я. Светлов (Ивченко) после 1917 г. жил в эмиграции.

Мы не располагаем рукописью «Солдатской сказки». По утверждению Садовского, он получил от Блока неподписанный машинописный текст. Этот текст мог бы внести некоторую ясность, но к началу 1930-х годов он исчез, так что «Солдатская сказка» в 12-томном собрании воспроизведена по журнальной публикации. (Между прочим, использование пишущей машинки было совершенно не характерно для Блока, который сам на машинке никогда не печатал; среди дошедших до нас его рукописей машинописные тексты встречаются крайне редко.)

Таким образом, все сведения об истории «Солдатской сказки» восходят к единственному источнику — сообщению Садовского. В письме к В. Н. Орлову от 29 июля 1935 г. Садовской дал дополнительные разъяснения: «„Сказка“ является в обработанном мною виде; печатается она с корректуры, ныне утраченной»⁶. Неясно, о какой корректуре пишет здесь Садовской, так как из его собственного рассказа следует, что «Сказка» в свое время не была принята к печати; может быть, здесь имеется в виду корректура номера «Новой России»?

В связи с тем, что «Сказка» не является полностью оригинальным произведением, возникает вопрос, достоин ли был Блоку ее источник. В. Н. Орлов, который вплоть до начала 1960-х годов с полным доверием относился ко всем сообщениям Садовского, считал, что Блок позаимствовал сказку из сборника Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Пермской

губернии», который, собственно, и составляет содержание 41-го тома «Записок РИГО» 1914 г. издания (сказка помещена в нем в несколько иной редакции, по сравнению с 1-м томом «Записок РИГО» 1867 г.)⁷.

Действительно, интерес к народному творчеству проявился у Блока очень рано, однако есть сведения, что именно русские сказки он знал недостаточно⁸. В работе Э. В. Померанцевой «Александр Блок и фольклор» (где, кстати, «Солдатская сказка» даже не упомянута) среди фольклорных источников творчества Блока перечислены сектантские стихи, заговоры и заклинания, средневековая поэзия менестрелей, частушки, городской романс, цыганские песни, народный театр, но не народные сказки⁹. В составе петербургской библиотеки Блока, дошедшей до нас в относительной сохранности, «Записки РИГО» как 1867, так и 1914 г. издания отсутствуют¹⁰.

С другой стороны, Садовской с 1916 г. жил в Нижнем Новгороде, где его отец А. Я. Садовский в течение ряда лет занимал пост председателя Нижегородской губернской архивной комиссии, а такие издания, как «Записки РИГО» (равно как и издания других научных обществ), библиотека комиссии получала в обязательном порядке. Следовательно, эта книга могла входить в круг чтения Садовского.

Конечно, отдельно взятый этот факт ничего не доказывает: Блок мог достать книгу откуда угодно, а библиотека Нижегородской губернской архивной комиссии, напротив, могла сгореть, быть реквизирована, расхищена и т. п. Однако в совокупности с прочими обстоятельствами отсутствие прямых доказательств знакомства Блока с первоисточником «Сказки» свидетельствует не в пользу его авторства.

Садовской предложил «Солдатскую сказку» редактору «Новой России» И. Г. Лежневу в феврале 1925 г. В ЦГАЛИ хранятся ответные письма Лежнева, из которых можно восстановить содержание переписки. Лежнев писал Садовскому по поводу полученных материалов: «Более всего меня заинтересовала „Солдатская сказка“ Блока. Удивило, как и почему она до сих пор не напечатана. Говорили мы по этому поводу с Бор(исом) Ник(олаевичем)»¹¹. В 1915 г. Белый был за границей и вещи этой не знает. Просьба прислать ее в первую очередь, — крайне желательно *в оригинале*: можно заказным письмом. Твердо ли Вы уверены, что эта вещь нигде и никогда не была напечатана?»¹².

Судя по следующему письму Лежнева, датированному 18 марта 1925 г., Садовской испытывал какие-то сомнения, предлагая «Сказку» к опубликованию. Из приводимого ниже отрывка видно также, что до отправки «Сказки» в редакцию Садовской говорил о ее характере настолько неопределенно, что Лежнев решил, что речь идет о стихотворном произведении: «Мы с Белым читали Ваше письмо и сомнения о „Солдатской сказке“. Оба пришли к единодушному мнению, что «Сказку» надо напечатать *обязательно*, предпослав ей Вашу заметку об истории этой „Сказки“. Печатать нужно *только* с Вашим коротеньким предисловием, а в таком виде — печатать *обязательно*. Можно, собственно, для предисловия взять соответствующий отрывок из Вашего письма ко мне. Итак, просьба прислать «Сказку» спешной почтой, в том же порядке, в каком получите это письмо. А спешность вот почему: в конце марта исполняется трехлетие нашего журнала. Мы устраиваем публичный литературный вечер (<...> Представляется поэтому положительно необходимым прочесть на вечере неопубликованные стихи Блока (читать будет Качалов). Конечно, будет прочитано и Ваше предисловие, без которого нельзя „Сказки“ оглашать»¹³.

Литературный вечер на тему «Россия без кавычек» состоялся в Колонном зале Дома Союзов 6 апреля 1925 г. Московские газеты поместили отклики на доклады И. Г. Лежнева, В. Г. Тана-Богораза, А. Белого. В вечере принимали участие артисты М. А. Чехов и В. И. Качалов, однако нам неизвестно, исполнялась ли на нем «Солдатская сказка».

В архивном фонде Бориса Садовского среди его неопубликованных произведений хранится рукопись под названием «Наполеоновы сереброеды»¹⁴. По содержанию это — вариант «Солдатской сказки». Таким образом, выявлено четыре варианта текста: первый в «Записках РИГО», т. 1, 1867 г., второй в 41-м томе тех же «Записок» 1914 г., напечатанный непосредственно по рукописи, сохранившейся в архиве географического общества, ибо в первой публикации были «сохранены далеко не все особенности местного говора, отраженные в записи о. Словцова (<...>»¹⁵. Оба эти варианта народного «пратекста» озаглавлены «Сказка о Наполеоне». Третий вариант — «Солдатская сказка» в «Новой России», повторенная без изменений в 12-м томе Полного собрания сочинений Блока, четвертый — «Наполеоновы сереброеды» в фонде Б. Садовского.

«Наполеоновы серебряеды» написаны на больших листах линованной бумаги, красными чернилами, по старой орфографии и датированы переписчиком «1915-й год, февраль». Удалось установить, что почерк принадлежит А. Н. Ведерникову, одному из четырех братьев Ведерниковых, знакомых Садовскому еще по Нижегородской гимназии¹⁸. По тексту, написанному чернилами, идет карандашная правка Садовского, которую можно уверенно датировать 1920-ми годами, ибо в конце 1916 г. Садовского постигло несчастье: его разбил паралич, лишив до конца жизни возможности самостоятельно передвигаться, и писать он смог лишь несколько лет спустя, только карандашом и очень характерным, безошибочно атрибутируемым дрожащим почерком.

Бумага по формату, качеству и другим внешним признакам идентична той, которая использовалась Садовским в середине 1920-х годов, она однотипна с той бумагой, на которой переписывался материал для отправки в «Новую Россию», так что, несмотря на употребление старой орфографии и датировку, написание сказки следует отнести к 1920-м годам.

Содержание «Наполеоновых серебряедов» несколько отличается от «Солдатской сказки». Во-первых, «Серебряеды» имеют эпиграф из П. П. Ершова («Горбунок летел как ветер»), чего нет, естественно, в записях народной сказки, а также у текста, приписанного Блоку. Есть и другие незначительные расхождения: так, в «Серебряедах» действует не Заспиха, а поп-расстрига, но тем же образом, что и Заспиха в «Солдатской сказке», т. е. бьет генералов кочергой по затылку. Физиологические подробности народного первоисточника об отрывании сняты. Местожительство расстриги в «Серебряедах» — Арзамас, тогда как Заспиха — из Калуги.

Карандашная правка Садовского полностью совпадает с текстом, опубликованным в «Новой России» (за исключением двух деталей, о которых будет сказано ниже). Так, название «Наполеоновы серебряеды» зачеркнуто и сверху написано «С. сказ.», вместо «расстриги» везде вставлен Заспиха и т. д. Больше того, правка показывает процесс работы Садовского над текстом: так, фраза «А был у нас в Арзамасе расстрига-поп и шел тот расстрига по базару, нес луку головку, да полуштоф сивухи...» претерпела такие изменения: вначале после слов «расстрига-поп» сделана выноска «по прозвищу дядя Бдых», затем зачеркнуто и повернуто «расстриги» написано «лентяй Заспиха». В результате правки Садовского текст «Серебряедов» в конце концов становится идентичным «блоковскому» тексту.

Сравнение вариантов позволяет сделать вывод: «Наполеоновы серебряеды» — промежуточное звено между словцовой записью «Сказки о Наполеоне» и «Солдатской сказкой». Возникающий вопрос о том, кто является автором первоначального (написанного чернилами) текста «Серебряедов» — А. Ведерников или Садовской, — следует решать в пользу Садовского. «Творчество» Ведерникова, известное лишь по одному стихотворению 1902 г. (приятельское послание Садовскому), не дает никаких оснований заподозрить в Ведерникове стилизаторский талант, определенно присутствующий в «Серебряедах», в то время как Садовской подобным талантом обладал в высокой степени. Сохранены в рукописи «Серебряедов» и специфические особенности синтаксиса Садовского в передаче прямой речи, исправленные при воспроизведении текста «Новой Россией».

Можно предложить такую реконструкцию создания «Солдатской сказки»: Садовской, будучи не в состоянии писать собственноручно, в начале или середине 1920-х годов продиктовал сказку Ведерникову, а затем выправил ее. С выправленного текста была снята машинописная копия, которую Садовской отправил в редакцию, представив ее как полученную им в свое время от Блока. Для написания сказки Садовской мог воспользоваться собственными заготовками, сделанными раньше, может быть в 1915 г., но это не меняет сути дела.

При перепечатке на машинке в окончательный текст были внесены два изменения. Во-первых, был снят эпиграф. Отметим, что эпиграфы — деталь очень характерная для творчества Садовского, который, как истинный литературный гурман, подбирал их почти к каждому своему произведению, часто не только к рассказу или повести в целом, но и к каждой отдельной главе. Снятие эпиграфа, очевидно, должно было придать «Сказке» более обезличенный характер. Во-вторых, Арзамас как место жительства «лентяй Заспихи» заменен на Калугу, и тоже, по-видимому, не случайно (в записи народной сказки упоминание о жителстве героя отсутствует). Здесь, по нашему предположению, Садовской хотел вначале дать скрытый намек на игровой, мистификаторский характер «Солдатской сказки», рассудив, что у немногих посвященных «Арзамас» должен ассоциироваться с известным литературным об-

ществом, в деятельности которого пародии и мистификации отводилось почетное место, но впоследствии отказался от этого намерения, заменив Арзамас нейтральной Калугой.

Итак, перед нами литературная мистификация, но мистификация особого рода. Садовской мистифицировал мистификацию же, т. е. имитировал не имевшую места в действительности мистификацию Блока (написанный якобы на пари рассказ, в котором автор намеренно хотел сохранить инкогнито). Нельзя не признать, что такой прием во многом облегчает «работу» мистификатора и дает ему своего рода карт-бланш. Можно не утруждать себя подражанием Блоку: пусть «Сказка» стилистически, лексически и тематически весьма далека от того, что он писал, — можно сослаться на то, что непохожесть эта заранее задана, что именно так было задумано и исполнено автором. Желанием Блока сохранить инкогнито можно объяснить и отсутствие авторской рукописи. Сослаться на изначально мистификаторский характер «Сказки» можно и для оправдания чуждого Блоку (но зато свойственного Садовскому) «урапатриотического» характера концовки сказки, не имеющей аналога в народном прототипе: «Было с Наполеоном четыреста миллионов войска, со всего свету народ собрал и все против одной нашей Россиюшки. Да не вышло ихнее дело вовсе. Что не пальнет француз из пушки, то и мимо, а мы как ахнем, так миллион долой».

Теперь проясняются причины, по которым Садовской не продал рукопись «Наполеоновых сереброедов» вместе с основной частью своего архива в начале 1930-х годов Государственному литературному музею. Рукопись поступила в ЦГАЛИ только в 1968 г. среди материалов близкого друга Садовского, литературоведа и генеалога Н. В. Арнольда и тогда же была присоединена к фонду Садовского.

Что же подвинуло Садовского на занятия мистификацией? Несомненно, 1920-е годы были одним из самых тяжелых периодов в жизни писателя в материальном и в нравственном отношениях. Оторванному от общественно-культурных центров, тяжело больному (он навсегда потерял подвижность, когда ему было только 35 лет) Садовскому очень трудно оказалось найти свое место в литературной жизни страны. В его архивном фонде хранится немало ответов от редакций и издательств, куда он предлагал свои произведения, со сходными формулировками: «не созвучно эпохе», «не подходит», «в настоящее время редакции перегружена стихами» и т. п. Это было особенно тяжело для автора, который успел завоевать определенный авторитет и чьи книги до революции имели успех. Друзья и знакомые пытались помочь Садовскому, но большей частью безуспешно. Так, В. В. Вересаев писал ему в 1926 г.: «Года полтора назад Гершензон покойный читал Ваше великолепное стихотворение о Нат. Ник. Пушкиной. Напечатано оно или нет? Если нет, альманах «Недра» с радостью бы напечатал его»¹⁷. А по получении стихотворения и нескольких рассказов вынужден был оправдываться: «Беллетристики не берут, говорят — старо. Не понимаю, почему. А насчет «Н. Н. Пушкиной» я очень сконфужен: когда слушал стихи в чтении, не замечал, что там все Бог и Господь. А этих слов все нынешние редакции боятся еще больше, чем в прежние времена черты — лада»¹⁸.

Однако, думается, было бы неправомерно сводить побудительные причины мистификаторской деятельности Садовского только к материальным затруднениям (хотя он и не отказывался от гонораров за свои мистификации). Для нас несомненно, что здесь был и чисто игровой момент, своего рода «искусство ради искусства». Склонность к подобной игре проявилась у Садовского еще в юности. На это указывают хранящиеся в ЦГАЛИ «Правила для поступления в Мореходно-инженерный институт цесаревича Михаила», датированные 1900 г., в которых обстоятельства перечислены условия приема, права воспитанников и т. д. Указан адрес: «Москва, дом Знаменской на Покровке, против Шереметевского сквера». «Правила» подписаны «директором института» — неким В. Н. Лягаевым. В действительности подобного учебного заведения не существовало; на обороте «Правил» карандашом Садовской написал (уже во время болезни): «Это сочинил я и распространил в гимназии»¹⁹.

В начале своей литературной деятельности Садовской не ставил себе задачей непременно ввести читателей в заблуждение, хотя избранная им стилистическая манера могла кое-кого обмануть. Дело в том, что особенно удавались Садовскому рассказы, в которых имитировались дневники, письма, записки людей отошедших в прошлое эпох (рассказ «Из бумаж князя Г.» в котором из стилизованной переписки, альбомных стихов и записочек 30-х годов XIX в. возникают образы Пушкина и Гоголя, рассказ «Черты из жизни моей» с характерным подзаголовком: «Памятные записки гвардии капитана А. И. Лихутина, написанные им в городе Курмыше в 1807 г.», более поздний «Дневник генерала», относящийся к эпохе

народовольцев и Александра III, неопубликованный рассказ «Записки актера», словно написанный одним из героев А. Н. Островского, и другие произведения). Подобный жанр существует в литературе издавна, но в начале XX в. он переживал в России, в особенности в символистских и близких к ним кругах, своего рода ренессанс. Можно назвать в этой связи роман Брюсова «Огненный ангел», рассказы М. Кузмина и С. Ауслендера. Стилизации Садовского отличались от стилизаций, скажем, Кузмина, тем, что объекты, как правило, избирались из отечественной истории, причем сюжетные ходы, отдельные детали, даже имена персонажей широко заимствовались из публикаций в «Русской старине», «Русском архиве», «Историческом вестнике». Технически эти стилизованные рассказы были выполнены очень тщательно, иногда просто блестяще. Сказывалось, вероятно, влияние отца, привившего сыну не только интерес к истории «вообще», а чуткость к языку архивного документа (уже говорилось, что А. Я. Садовский был председателем Нижегородской губернской архивной комиссии — одной из лучших губернских архивных комиссий России), зоркость и любовь к мелким и мельчайшим деталям, создающим в целом неповторимый аромат эпохи, тот точно выписанный исторический фон, который так часто не дается современным историческим романистам.

Садовской рассказал в своих неопубликованных «Записках» о том, как однажды он невольно ввел в заблуждение даже такого признанного знатока старины, каким был издатель «Русского архива» П. И. Бартенев: «Мой рассказ в стиле XVIII века, напечатанный в „Весах“ <имеются в виду «Черты из жизни моей». — С. III.>, очень понравился П. И. Долго он не хотел верить, что это сочинено. «Какой подлог: в Англии вам бы за это руки не подали». Насилу я убедил его. Старик захромал к шифоньерке, достал автограф Пушкина (вариант к „Русалке“), отрезал огромными ножницами последние два с половиной стиха и подарил мне: „Вот вам за вашу прекрасную прозу!“²⁰. Этот рассказ Садовского документально подтверждается сведениями о покупке у него Государственным литературным музеем в 1935 г. пушкинского автографа под названием «Отрывок из „Русалки“»²¹.

Как ни странно, но подобным образом могут заблуждаться и современные исследователи. Так, норвежский историк литературы Гейр Хетсо в своей капитальной биографии Е. А. Баратынского в качестве одного из исторических источников привлек... рассказ Садовского «Две главы из неизданных записок». Г. Хетсо воспользовался публикацией в № 306 газеты «Речь» за 1910 г., не зная, по-видимому, что Садовской включил рассказ впоследствии в свой сборник «Узор чугунный». Норвежский исследователь считает, что «воспоминания» М. Н. Креницына, товарища Баратынского по Пажескому корпусу (а рассказ Садовского представляет собой имитацию отрывка из этих «воспоминаний»), существуют в действительности. На самом деле Садовской воспользовался широко известными подлинными документами — письмом Баратынского Жуковскому 1823 г. и публикацией Н. Максимова «Евгений Абрамович Баратынский по бумагам Пажеского е. и. в. корпуса» в томе 11 «Русской старины» за 1870 г., откуда заимствовал фактический материал для рассказа, а также личность автора записок — М. Н. Креницына. Характерно, что Садовской из двух братьев Креницыных, одновременно с Баратынским находившихся в Пажеском корпусе, выбрал не Александра — поэта, человека близкого к литературным кругам, а Михаила, не оставившего после себя никакого литературного или мемуарного наследия. Не удивительно, что в рассказе Садовского «правильность рассказа Баратынского <имеется в виду то, как Баратынский излагает историю своего исключения из корпуса в письме к Жуковскому. — С. III.> почти полностью подтверждается воспоминаниями его товарища Михаила Креницына», как отмечает Хетсо, ошибаясь, однако, в своем утверждении, что «эти воспоминания были написаны в начале 1830-х годов, когда письмо поэта к Жуковскому еще не было предано гласности»²². Норвежский ученый не обратил внимания на то обстоятельство, что авторское посвящение А. М. Кожебаткину, земляку Садовского и известному книгоиздателю, в случае, если бы действительно публиковалась чужая рукопись, было бы неуместно. Кроме того, рассказ (если исключить его стилизованное заглавие) не имеет ни в газетной публикации, ни в сборнике «Узор чугунный» никакого указания на то, что публикуется настоящий отрывок из неизданных записок, он и подписан «Борис Садовской». В таком виде подлинные записки Креницына, если бы они существовали, вряд ли могли быть опубликованы, так как археографическая практика, сложившаяся в России к 1910 г., подобных вещей не допускала.

Г. Хетсо цитирует прозу Садовского с «чрезвычайно ярким портретом бледного и одинокого Баратынского осенью 1814 года», не замечая, что портрет что-то уж чересчур ярок,

т. е. не обращая внимания на некоторую утрированность стиля (в данном случае — романтического). Это — свойство любой стилизации, а стилизации Садовского почти всегда отличались безукоризненным чувством меры. И все же мы встретим здесь и «стройную фигуру юноши... в поношенном вицмундире» и «лицо... в волнистых, взбитых слегка кудрях», которое «с нежной томностью и благородством истинно-поэтическим соединяло... какую-то затаенную лукавость» и «голос... мягкий и уветливый», в котором «слышалась сердечная ласка» и т. п. Современники Садовского, знакомые с его творческой манерой, не сомневались, что «Две главы из неизданных записок» — чистой воды беллетристика, и несогласие Г. Хетсо с П. П. Филипповичем, который указал на это в своей книге «Жизнь и творчество Е. А. Боратынского»²³ можно отнести к добросовестному заблуждению норвежского ученого.

Если склонность к мистификациям подразумевает особый психологический склад литератора, то некоторые особенности творчества Садовского берут истоки в этих свойствах его характера. Так, не взяв себе псевдонима в буквальном смысле слова, он слегка стилизовал «под старину» свою настоящую фамилию «Садовский» и стал подписываться «Садовской». Часто в своих рассказах он называл эпизодических героев фамилиями своих друзей и знакомых (доктору Юнгеру в рассказе «Три встречи с Пушкиным» дана фамилия поэта В. А. Юнгера, ротмистр Алфераки из «Бурбона» намекает на ближайшего гимназического товарища Садовского Николая Алфераки), привлекал фамилии своих родственников (Лихутин в «Чертах из жизни моей», сержант Богодуров в одноименном рассказе), то и дело в разном контексте упоминал родные места (Ардатовский уезд, село Лукояново). Все эти тонкости по достоинству мог оценить только узкий круг посвященных, и они оставались вполне безобидными. Лишь с начала 1920-х годов, после психологического перелома, связанного с болезнью, у Садовского появляются мистификации, вполне отвечающие этому понятию. Как будет показано ниже, их диапазон был весьма широк. Вместе с тем, мы не уверены, что обнаружены все мистификации Садовского и что в его творчестве не остается каких-либо загадок в том же роде.

Вероятно, от самого Садовского исходили совершенно фантастические сведения о его предках, не имеющие ничего общего не только с действительностью, но и с написанными им в 1940-е годы воспоминаниями о своей семье; эти сведения попали в книгу Е. Ф. Никитиной «Русская литература от символизма до наших дней» (известно, что Никитина использовала большое количество биографических материалов, полученных ею от писателей-современников). О Садовском там сказано следующее: «Потомок литовца Александра-Яна Садовского, въехавшего в Россию в 1606 г. в свите Марии <так! — С. III.> Мнишек. В числе предков по женским линиям — византийцы и выходцы из Золотой Орды <...>»²⁴ И хотя Садовской записал позднее в своем дневнике, что не знает, откуда пошла версия о его столь древнем и знатном происхождении, сделал он это, скорее всего, с целью намеренно запутать следы (дневник Садовского, хранящийся в Рукописном отделе ГБЛ, насквозь «писательский», без сомнения, рассчитан на посмертное прочтение).

С середины 1920-х годов мистификаторская деятельность Садовского развернулась особенно широко. Почти одновременно с предложением «Новой России» «Солдатской сказки» он переслал заведующему театрально-музыкальной секцией Главреперткома, своему знакомому В. И. Блюму «мемуары» старого нижегородца Н. И. Попова, содержащие воспоминания о Н. А. Некрасове и С. М. Степняке-Кравчинском, с «неизданными стихотворениями» обоих поэтов. Блюм передал рукопись П. Е. Щеголеву, и тот 13 апреля 1925 г. в письме на бланке издательства «Былое», адресованном Попову (Садовской указал свой собственный нижегородский адрес), просил прислать для сверки автографы стихотворений. На обороте этого письма рукой Садовского было написано: «Моя мистификация», что позволило М. Д. Эльзону в 1980-е годы изобличить фальшивку²⁵.

Вернемся к попыткам Садовского мистифицировать публику «блоковскими» произведениями. Существует ряд стихотворных текстов, источник которых — сообщения Садовского. Доверие к ним у блоковедов было подорвано уже довольно давно, но окончательного суда пока что не произнесено. Поэтому разберем здесь их историю.

В конце 1920-х годов Садовской закончил свои «Записки», над которыми работал в Нижнем после революции. Журнал «Летопись Дома литераторов» в 1921 г. сообщал: «Б. Садовской живет в Нижнем Новгороде, пишет „Воспоминания“, читает лекции по литературе в Археологическом институте и институте народного образования»²⁶ <...>

Несмотря на болезненное состояние, подготовил к печати несколько книг и на вечере памяти

Блока читал свои воспоминания о нем»²⁷. «Записки» хронологически были доведены до 1916 г. Напечатать целиком их не удалось, несмотря на хлопоты по этому поводу М. А. Цявловского в издательстве Сабашниковых, Г. А. Шенгели в «Никитинских субботниках» и др. Тогда Садовской стал использовать текст «Записок» для написания отдельных, небольших по объему воспоминаний. По-видимому, на этом этапе работы отобранный для таких локальных воспоминаний материал изымался из первоначального текста «Записок», который был шире хранящегося сейчас в ЦГАЛИ. Кое-что из таких обработанных сюжетов удалось пристроить в печать при жизни (например, воспоминания о Горьком в № 6 «Звезды» за 1940 г.), кое-что издано уже после смерти автора («Воспоминания о Репине», «Воспоминания о Блоке»), часть пока не напечатана («Весы». «Воспоминания сотрудника», «Встреча с Есениным»).

«Встреча с Есениным» не датирована, но так как эти воспоминания могли быть написаны, судя по их содержанию, только после смерти Есенина, а на рукописи имеется нижегородский адрес Садовского, время их создания можно отнести к 1926—1929 гг. (после 1929 г. Садовской переселился в Москву).

В воспоминаниях есть такой эпизод: «Зимой 1916 года я жил на Вознесенском проспекте, где Есенин раза два навещал меня. Однажды он мне читал свои стихи и написал в альбом:

За сухое дерево месяц зацепился,
Слушает прохожих девок пенье.
Тихий топот времени вдруг остановился,
Наступило вечное мгновенье.
Вечность отдыхает над березами кудрявыми,
Облака румяные на закат сбежали,
Синих елок крестики сделались кровавыми,
Крестики зеленые розовыми стали.
Встал я и задумался над ярким мухомором.
Что ж в груди затеплилось скрытое рыданье?
Мне не стыдно плакать под небесным взором:
В светлом одиночестве радостно страданье.

Я заметил, что эта вещица для него не характерна. Есенин засмеялся в ответ: — То ли я писал!»²⁸ Кроме этого, в воспоминаниях приводится и другое стихотворение — «Подражание Борису Садовскому», которое Есенин, по словам Садовского, написал экспромтом на конфетной коробке.

В составе фонда Садовского, среди нескольких принадлежавших ему альбомов есенинские автографы отсутствуют. Сам текст воспоминаний поступил в ЦГАЛИ в составе собрания Е. Г. Сокола, независимо от тех материалов, которые Садовской продал Государственному литературному музею.

Приблизительно через десять лет после устанавливаемого нами времени написания «Встречи с Есениным», в 1937 г., в 27/28 томе «Литературного наследства», посвященном русским символистам, были опубликованы две так называемые «Автопародии» Блока, которые вошли затем в двухтомное «Полное собрание стихотворений А. А. Блока»²⁹ и в 8-томник (III, 416—417). В. Н. Орлов дал к «Автопародиям» следующие примечания: «<...> сообщены Б. А. Садовским по копии, снятой им в свое время с автографов Блока (ныне утраченных). Б. А. Садовской сообщает: «Зиму 1912—1913 гг. я провел в Петербурге; заведовал я тогда литературным отделом газеты „Русская молва“. По субботам бывали у меня журфиксы <...> сходились И. С. Рукавишников, А. А. Блок, А. И. Тиняков, М. А. Кузмин, А. А. Кондратьев, кое-кто из молодых писателей. Иногда мы пускались в литературные игры. В половине января 1913 г. состоялся вечер пародии; принял в нем участие и Блок <...> Перед тем, как прочитать <свои автопародии> Блок с улыбкой заметил: „Вот как я писал лет десять тому назад“»³⁰.

Приведем начало первой «Автопародии»:

За сучок сухой березы месяц зацепился,
Слушает прохожих девок пенье.
Бег минут топочущий вдруг остановился,
Наступило вечное мгновенье.
Вечность ли вздохнула над березами кудрявыми?

Облака прозрачные на закат сбежали.
Синих елок крестики сделались кровавыми,
Крестики зеленые розовыми стали...

(Далее — без изменений относительно к «есенинскому» варианту).

Вторую «Автопародию» М. Л. Гаспаров обнаружил в журнале «Вершины» (№ 31/32 за 1915 г.) в виде стихотворения «Сон», с дополнительной строфой и за подписью самого Садовского. В. Н. Орлов 16 ноября 1962 г. отвечал М. Л. Гаспарову на его вопрос о странных обстоятельствах, связанных с «Автопародиями»: «Не могу объяснить участия Б. Садовского в этом деле. В свое время редакция „Литературного наследства“ передала мне для публикации два стихотворения, полученные от Б. Садовского. В сопроводительном тексте они были охарактеризованы как „автопародии“ принадлежащие перу Блока и прочитанные им на собрании писателей у Садовского. Рукопись Садовского осталась у меня; здесь черным по белому сказано: „Стихи его (Блока) случайно сохранились, вот они“.

Мы поверили этому свидетельству; и как было не поверить!

Остается предположить, что Садовской впоследствии напечатал одну из пародий как собственное произведение 1) либо „забыв“ о его происхождении (что маловероятно), 2) либо получив на это разрешение Блока (что тоже выглядит довольно странно). Вряд ли Садовской сознательно пошел на мистификацию, направив в „Литературное наследство“ собственные стихи, выдавая их за блоковские. Хотя, конечно, все могло быть.

В общем, история довольно темная. Нужно добавить, что столь же темноваты и другие „блоковские публикации“ Б. Садовского (стихотворение „Лишь заискрится...“, „Солдатская сказка“), сделанные „по памяти“ и не подтвержденные рукописными источниками»³¹.

Независимо от составителей собрания сочинений Блока, воспоминания Садовского о Есенине и включенные в них стихотворения привлекли внимание тех, кто изучает творчество Есенина. В 1959 г. в газете «Вечерний Тбилиси» появилась «есенинская» версия первой «Автопародии» и «Подражание Борису Садовскому»³². Оба этих стихотворения были включены в 5-й том собрания сочинений Есенина в 1962 г. (с опечаткой в 3-й строке «Автопародии» — «Тихий тополь времени вдруг остановился»), в раздел «Стихотворные экспромты и наброски» с примечаниями В. Земскова: «Печатается по списку рукой поэта Б. А. Садовского (ЦГАЛИ). Датируется началом 1916 г. по воспоминаниям Б. А. Садовского (<...>»³³.

Эти обстоятельства вызвали в разделе «Дополнения и исправления» заключительного тома 8-томника, который вышел позже 5-го тома собрания сочинений Есенина, следующие замечания: «(<...> Первая „автопародия“ в несколько иной редакции через несколько лет³⁴ (<...> Б. Садовским была приписана перу Сергея Есенина (<...> Остается предположить, что Б. Садовской, составляя задним числом свои „воспоминания“, вольно или невольно вводил читателя в заблуждение» (VIII, 757).

Не совсем ясно, какие воспоминания Садовского здесь подразумеваются — о «литературных играх», в которые «пускались» собиравшиеся у него поэты, о знакомстве и встречах Садовского с Есениным³⁵, или же комплекс воспоминаний Садовского в целом. Составители более поздних собраний сочинений Есенина (начиная с 5-томника 1966 г.), на наш взгляд, совершенно правомерно исключили из них как стихотворение «За сухое дерево месяц зацепился...», так и «Подражание Борису Садовскому». С такой же определенностью следует решить вопрос и об авторстве так называемых «Автопародий», так как становится очевидным, что автором всех четырех текстов (двух «Автопародий», несколько измененной «есенинской» редакции первой из них и «Подражания Борису Садовскому», скорее всего, является один человек — сам Борис Садовской, который вводил в заблуждение читателей не невольно, а вполне сознательно. Определить же, не имеет ли хотя бы один из этих текстов какое-либо отношение к Блоку или Есенину (по нашему мнению — нет), на основании известных архивных источников пока невозможно.

В начале 1960-х годов недостаток фактов, которые подтверждали бы давнее и стойкое тяготение Садовского к мистификациям, с одной стороны, и бесспорность знакомства и относительно добрых, чуть ли не дружеских отношений между ним и Блоком, с другой, даже после открытия М. Л. Гаспарова требовали от блоковедов сугубой осторожности в подобных выводах. Ведь тексты исходили непосредственно от одного из «ровесников серебряного века»! Сейчас можно сказать, что хотя сдержанно-сочувственное отношение Блока к творчеству Садовского нашло документальное отражение в их переписке (см. наст. том, кн. 2, с. 309—

314) и дневниках Блока, не следует их близость преувеличивать. К. И. Чуковский свидетельствует: «Я спросил как-то у Блока, почему он посвятил свое стихотворение „Шар раскаленный, золотой...“ Борису Садовскому, которому он так чужд. Он помолчал и ответил: „Садовской попросил, чтобы я посвятил ему, нельзя было отказать“» (Наст. том, кн. 2, с. 253).

«Темноватым», по выражению В. Н. Орлова, остается история стихотворения «Лишь заискрится бархат небесный...». Оно появилось впервые в № 1 журнала «Красная новь» за 1928 г. Позднее, при подготовке 27/28 тома «Литературного наследства», В. Н. Орлов обратился к Садовскому за разъяснениями и получил от него следующий ответ: «Стихотворение Блок написал мне в альбом зимой 1913 г., снабдив его датой 1905. Альбом был украден у меня вместе с чемоданом в Москве на вокзале осенью 1927 г. Поэтому я поспешил напечатать стихи, разумеется, по памяти, но за буквальную их точность могу ручаться.

Я хотел было поместить эту вещь в альманахе „Галатея“, но издание не состоялось; альманах не вышел, а вскоре разразилась и война <...> Письма Блока ко мне и мои о нем записки проданы мной „Литературному музею“. Неизданных вещей Блока у меня нет»³⁶.

Объяснение вполне удовлетворило Орлова, и он отметил: «Принадлежность этого стихотворения Блоку не вызывает сомнений»³⁷.

Как безусловно блоковское стихотворение, кроме «Красной нови», было напечатано в 12-м томе Полного собрания сочинений Блока и в двухтомном Полном собрании стихотворений; с оговорками, что авторство Блока не может считаться окончательно установленным, оно помещено в 8-томнике (II, 319), а также в 6-томном собрании сочинений Блока под ред. С. А. Небольсина³⁸.

В «Тетрадах» Блока, где он учитывал написанные им стихотворения (они послужили основой для «Хронологического указателя» к стихотворениям поэта в 12-томном Полном собрании), не упоминается «Лишь заискрится...», равно как и «Автопародии», а также «Солдатская сказка». Впрочем, «Тетради» не освещают творчество Блока с абсолютной полнотой; в них есть некоторые купюры и пропуски.

В стихотворении есть блоковские мотивы, однако при внимательном чтении оно может показаться *слишком* блоковским, чересчур перенасыщенным блоковскими аллюзиями:

Лишь заискрится бархат небесный	Там, среди толпы беспокойной,
И дневные крики замрут,	Различу я твой силуэт,
Выхожу я улицей тесной	Очертанья фигуры стройной
На сверкающий льдистый пруд.	И широкий белый берет.
Лишь слышу издали скрипки	Буду слушать скрипок аккорды
И коньков скрежещающий ход,	Под морозный говор и крик
Не сдержу я веселой улыбки	И, любясь на профиль гордый,
И сбегу на серебряный лед.	Позабудусь на миг, на миг.

Я уйду, очарованный взглядом,
И не раз, обернувшись вслед,
Посмотрю, возвращаясь садом,
Не мелькнет ли белый берет?

Любопытно было бы сравнить поэтико-образную структуру этого стихотворения с двумя стихотворениями Садовского, написанными ранее зимы 1913 г., т. е. *до того*, как Блок, по словам Садовского, написал стихотворение «Лишь заискрится...» ему в альбом:

Я л т а

Едва на небе черном	Мой путь в огнях и блесках
Блеснут узоры звезд,	Вдоль улицы-тропы.
Спешу по склонам горным	Оркестры на подмостках,
От опустелых мест.	В аллеях гул толпы.

<...>

И музыки не слышно,
И море не шуршит,
А бархат неба пышно
Алмазами расшит.

* * *

В небе бисерные блески,
 На морозе огоньки.
 Стынут елочки, киоски.
 Я принес твои коньки
 В шубке ты проворней белки.
 Фонари мерцают в грелке.
 Подвяжу тебе коньки я.
 Ножки стройные легки.

С белой муфтой, в платье сером,
 Ускоряя верный ход,
 Ты помчалась с кавалером
 Разрезать звездистый лед.
 <...>
 Стынут елочки, киоски,
 В небе искры, в небе блески.
 Небо блещет огоньками.
 Мелодичен ход конька.

1911 ⁴⁰

Подробный анализ этих текстов выходит за пределы данной работы.

Отметим только несомненное сюжетное сходство стихотворений «Лишь заискрится...» и «В небе бисерные блески...» (если исключить «Лишь заискрится...», то ни в одном стихотворении Блока мы не встретим мотива катка и конькобежцев). Сходны и некоторые другие мотивы — небо, небеса — как зачин во всех трех стихотворениях, гул и говор толпы, окружающей лирического героя; герой наблюдает за героиней, катающейся на катке, сам же на коньки не встает; однотипные (возможно, из-за своей «заштампованности») эпитеты: «бархат небесный» и «бархат неба», «скрежещущий ход» коньков и «верный ход», «мелодичный ход», «серебряный лед» и «звездистый лед», «очертанья фигуры стройной» и «ножки стройные легки», «белый берет» и «белая муфта» и т. д. Все же стихотворение «Лишь заискрится...» представляется более совершенным, нежели два других; если предположить, что оно написано Садовским, то, вероятней всего, в 1920-е годы, когда он мог воспринять и преломить в своем творчестве влияние поэзии не только Блока, но и позднейших поэтов, в частности Есенина (есенинская интонация заметна в последней строфе).

Заслуживает внимания упоминание Садовским в письме к В. Н. Орлову альманаха «Галатей». Известно о нем немного. Этому изданию было посвящено несколько строк в публикации В. П. Коршуновой (см. наст. том, кн. 2, с. 313). Задуман альманах был в начале 1913 г. как орган, должествующий противостоять акмеистам и «Цеху поэтов» в первую очередь. Главным редактором альманаха должен был стать Садовской, кроме него в редакцию входили А. А. Конге, М. А. Долинов, В. А. Юнгер и живший Москве В. Ф. Ходасевич. В. А. Юнгер в марте 1913 г. был кооптирован в «Цех поэтов», но, по его словам («...») поблагодарив за честь, остался верен «Галатее» ⁴¹. К сотрудничеству привлекались А. И. Тиняков, В. Н. Княжнин (Ивойлов), И. С. Рукавишников и др. Просил для альманаха Садовской стихов у Блока, который прислал ему стихотворение «Вячеславу Иванову» («Был скрипок вой в разгаре бала...») (наст. том, кн. 2, с. 312—313). О каких-либо других своих стихотворениях для «Галатей» Блок нигде не упоминает. Идея издания альманаха в Петербурге не осуществилась, ибо очень скоро — уже в апреле 1913 г. — начались резкие разногласия между Тиняковым с одной стороны и Долиновым и Конге с другой по поводу приглашенных в альманах сотрудников и предполагаемого к помещению в нем материала. В мае 1913 г. Садовской решил перенести «Галатею» в Москву и издавать ее там совместно с Ходасевичем не в виде альманаха, а как ежемесячный журнал. В газете «Голос Москвы» даже появилась заметка о скором выходе в свет нового издания, однако этой заметкой все и ограничилось. «Галатей» по не вполне ясным причинам — то ли из-за отсутствия состоятельного мецената, а скорее всего из-за идейных разногласий в редакции, — так и не вышла в свет. Осенью 1913 г. Садовской окончательно отказался от намерения издавать альманах или журнал. Таким образом, его слова из письма Орлову о том, что причиной неудачи с «Галатеей» была первая мировая война, не соответствуют истине: вопрос об издании был закрыт задолго до августа 1914-го.

Если допустить, что, помимо уже упомянутых причин, Садовской прибегал к мистификациям как «утопающий в водах Леты» (его собственное выражение), хватающийся за что угодно, чтобы не пойти на дно реки забвения, то можно считать, что в определенной степени это ему удалось. Почти все его мистификации вошли в научный оборот и подлинность их в течение нескольких десятилетий не подвергалась сомнениям ⁴². Вдохновленный, по-видимому, успехами на этом поприще, Садовской после некоторого перерыва направил в ав-

густе 1944 г. в редакцию «Нового мира» следующий машинописный текст:

«Белая ночь».

Барон гулял по Невскому. Барон
Отменно выбрит и одет отлично.
От котелка до серых панталон
На нем изящно все и все прилично.
Зеленый галстук на воротнике,
Лимонная перчатка на руке
И набалдашник у тяжелой трости
Из благородной мамонтовой кости.
Барон смотрел. В оконных зеркалах
Пестрели сласти, зонтики, картинки
И рдели меж колбас и черепах
С привозными черешнями корзинки.
Трамвай беспокойный звон и гул,
Еще один газетчик промелькнул,
Гостинный двор веревка оградил,
На думской башне десять раз пробило.
Вот на углу уютный Доминик.
Барон неслышно подошел к буфету,
Взял пирожок, поправил воротник
И развернул вечернюю газету.
А между тем бледнел и таял май.
На площади чугунный Николай
С конем своим танцующим на месте,
Казалось, вырезан из черной жести.

И снова шел по Невскому барон.
Темнела Исаакия громада,
И медленно лилась со всех сторон
Прозрачная и нежная прохлада.
Над Петербургом замер вещей сон.
Который раз встает и снится он,
Который раз смущает он влюбленных
И сладко утешает обреченных.
И дрогнула усталая душа.
Как черный призрак в дымчатом эфире
Барон летал по улицам спеша.
Вот на Галерной он, в своей квартире.
Глядят шкафы заглавиями книг.
Он взял перо, задумался на миг,
Занес печать над маленьким пакетом
И посмотрел на ящик с пистолетом.
А завтра было то же все точь в точь:
Опять толпа и пыль на тротуарах,
Опять лилась и замирала ночь,
Опять шумели в кабаках и барах.
И на Галерной то же, что вчера,
Шкафы, портреты, бронзовые бра,
И на пакете с вензелем корона
И за столом на кресле труп барона.

Александр Блок».

Примечание Бориса Садовского: «Ровно тридцать лет тому назад я собирался издавать в Москве альманах «Галатея». В сотрудники приглашен был и А. А. Блок, подаривший мне свою поэму «Белая ночь».

Альманах не успел выйти по случаю начавшейся войны и поэма Блока осталась в моем архиве»⁴³.

Для знакомых с творческой манерой Садовского (в особенности с его «рассказами в стихах и прозе», собранными в сборнике «Морозные узоры» — Пг., 1922) совершенно ясно, что это стихотворение (или «поэма», как именует его Садовской) и стилистически и тематически полностью соответствует его позднему творчеству. Здесь нет никакой, даже минимальной обработки «под Блока». В «Записках» Садовского мы обнаружили место, которое можно соотнести с 3-й строфой «поэмы»: «Наступило лето. Белые ночи околдовали меня. Ровно в полночь я отправлялся гулять и медленно шел Вознесенским проспектом. Вот памятник императора Николая. Конь и есадик точно вырезаны из черного картона. Белая мгла плывет и тает. Исаакий дымится (<...> Бродил я по набережной, каналами, вдоль дворцов. Выходил на Невский. У Доминика рюмка портвейну и пирожок. О, петербургские ночи!»⁴⁴ (Курсив мой. — С.Ш.). Как видим, образная стилистика одна и та же.

Сотрудник «Нового мира» Н. И. Замошкин попросил Садовского прислать рукопись «Белой ночи». Садовской ответил: «Поэма Блока, переписанная по его просьбе для меня поэтом Пястом, долго считалась утерянной и только этой весной я случайно нашел ее в одной из книг моей библиотеки. Я не нашел нужным оставить ее у себя и уничтожил как обыкновенную рукопись. За подлинность поэмы я Вам ручаюсь»⁴⁵.

Отработанный механизм ссылок на умерших лиц (В. А. Пяст покончил с собой в 1940 г. и невозможность по тем или иным надуманным причинам представить рукопись на этот раз дали сбой — «Белая ночь» в «Новом мире» не появилась. Тогда Садовской попытался было пристроить «поэму» в сборнике «Звенья», но получил от его редактора В. Д. Бонч-Бруевича (который хорошо знал Садовского в бытность свою директором Государственного литературного музея) следующий ответ: «21 июля 1946 г. Многуважаемый Борис Александрович. Рассмотрев присланную Вами рукопись — машинописный материал «Белая ночь» — и по-

советовавшись с музейными специалистами, у меня возникло большое сомнение в том, что это стихотворение А. Блока. Скорее всего нет, а потому без получения автографа, который разрешил бы все сомнения, печатать в сборнике «Звенья» я не считаю возможным (. . .) Редактор сборника «Звенья» Вл. Бонч-Бруевич»⁴⁶.

В архивном фонде Бориса Садовского среди его стихотворений 1929—1942 гг. сохранился машинописный текст начала «поэмы» «Белая ночь» со следами карандашной правки Садовского и его примечанием «Публикуется впервые»⁴⁷.

Название «Белая ночь», по-видимому, было избрано Садовским не случайно. В воспоминаниях Г. И. Чулкова «Александр Блок и его время» читаем: «Однажды, когда я писал рассказ «Одна ночь», а Блок только что написал стихи «Белая ночь» (а в это время Андрей Белый яростно бранил в «Весах» и меня и Блока), Александр Александрович сочинил шуточное четверостишие:

Чулков «Одною ночью» занят,
Я «Белой ночью» занялся,—
Ведь ругань Белого не равня
Того, кто все равно спился...»⁴⁸

Книга «Письма Александра Блока», где были напечатаны воспоминания Чулкова, безусловно, была прочитана Садовским. Вероятно, он воспользовался упоминанием Чулкова о стихотворении «Белая ночь» в совокупности с тем обстоятельством, что среди окончательных заглавий стихотворений Блока стихотворения с таким названием нет.

Заметим попутно, что в 8-томном собрании сочинений «Белая ночь», упомянутая в экспромте Блока, соотносена со стихотворением «Май жестокий с белыми ночами!..» (III, 161), на наш взгляд, без всяких к тому оснований. Стихотворение «Май жестокий...» никогда не носило первоначального названия «Белая ночь», оно впервые появилось в печати под заглавием «Родине», да и содержание стихотворения не соответствует заглавию «Белая ночь». Согласно «Азбучному указателю измененных заглавий в стихотворениях А. А. Блока» в 1907 г. (этим годом Чулков датирует экспромт Блока) Блоком было написано стихотворение «Белая ночь» (впоследствии получившее название «Придут незаметные белые ночи...» — по первой строке) и «Белые ночи» (впоследствии также названное по первой строке «С каждой весною пути мои круче...») ⁴⁹. Чулков мог иметь в виду какое-либо из этих стихотворений. На исключено также, что Чулкова подвела память и он ошибся, написав, что в четверостишии Блока речь идет именно о стихах. В таком случае строку «Я «Белой ночью» занялся» можно отнести к критическому разбору альманаха «Белые ночи», которым Блок занимался примерно в то же время; этот разбор вошел составной частью в его статью «Литературные итоги 1907 года» (написана в ноябре—декабре 1907 г.)⁵⁰.

Ряд вопросов, возникающих в связи с мистификациями Бориса Садовского, остается пока без ответа. Почему Садовской, несомненно обладавший достаточно высоким поэтическим мастерством, а в области стилизации бывший даже незаурядным мастером, в случае с «Автопародиями» воспользовался одним и тем же, слегка видоизмененным стихотворением, когда он мог без особого труда написать и «под Блока» и «под Есенина»? На что он рассчитывал, пытаясь выдать за блоковское произведение абсолютно чуждую творчеству Блока «Белую ночь»? Разве что на то, что к 1944 г. и читатели и критика прочно забыли характерные особенности творчества самого Садовского? Или же в его намерении поместить под именем великого поэта свое собственное и очень характерное стихотворение была попытка своеобразной «местной» редакцией, отвергающим стихи, подписанные Садовским? Не забыл ли он содержание собственного письма к В. Н. Орлову от 29.07.1935 г., в котором утверждал, что неизданных вещей Блока у него нет? (Впрочем, версия о том, что Садовской «случайно нашел» давно считавшееся утерянным стихотворение в книге из своей библиотеки, помогала обойти это противоречие.)

У нас недостаточно фактов и для того, чтобы объяснить странные обстоятельства с датировкой смерти Садовского. Дело в том, что в целом ряде послевоенных изданий Блока (впервые — в двухтомном Полном собрании стихотворений под ред. В. Н. Орлова 1946 г. издания) в комментариях указан неверный год смерти Садовского — 1946, тогда как он скончался на 72-м году жизни весной 1952 г. Откуда появилась эта неверная дата, и если это просто редакторская ошибка, то почему она не была исправлена в последующих изданиях и фигурировала до середины 1950-х годов? Трудно предположить, что Садовской не следил за изда-

ниями Блока, выходившими в то время не столь уж часто, и не заметил, что их составители преждевременно сочли его жизненный путь завершенным. Заманчиво было бы предположить участие самого Садовского в распространении неверных сведений о собственной смерти, — этот штрих придал бы его мистификаторской деятельности художественную законченность. Однако из-за недостатка достоверных фактов этот вопрос остается открытым.

Можно попытаться восстановить ход работы Садовского над своими мистификациями и выявить типичные приемы и методы, которыми он пользовался. Вначале сочинялся текст. Затем придумывалась история, которая должна была более или менее убедительно объяснить отсутствие автографа (поскольку воспроизвести чужой почерк Садовской не мог в силу своей болезни, да и вообще не обладал такими способностями). Для придания большей достоверности в эту историю обязательно вводились ссылки на реальных лиц (чаще всего к тому времени умерших), знакомство с которыми Садовской мог подтвердить документально, в том числе и материалами собственного архива. Желательно было также вкрапить в сочиненную историю ссылки на литературные реалии, к которым Садовской имел в свое время прямое отношение (вроде альманаха «Галатея»). Крайне желательным представлялось перемешать сочиненный материал с подлинными документами той же эпохи, если Садовской таковыми располагал, но не всегда представлялась такая возможность.

Мы уже говорили о том, что одновременно с «Солдатской сказкой» Садовской предложил «Новой России» письма Блока, Брюсова и Розанова. Письма эти он отправил в виде списка, сделанного рукой неизвестного нам лица (этим же почерком написаны некоторые другие материалы Садовского за 1920-е годы) на листах бумаги, форматом и качеством идентичных тем, на которых были написаны «Наполеоновы сереброеды». Из трех писем только письмо Блока имеет точную дату — 6 декабря 1910 г., письма же Брюсова и Розанова датированы в скобках, первое апрелем 1915 г., второе декабрем 1917 г.

В настоящее время известен автограф одного письма Блока. Это письмо посвящено впечатлениям поэта от чтения книги Садовского «Русская Камена». Об его истории Садовской сообщал В. Н. Орлову: «В ноябре 1910 г. Блок приезжал в Москву. Встретившись с ним в издательстве «Мусaget», я подарил ему мою книгу «Русская Камена». Блок вскоре уехал, а через несколько дней мной была получена от него в заказном пакете эта же книга. Мне представилось, что Блок, возмущенный ее содержанием, шлет книгу обратно, не без волнения я вскрыл пакет. Оказалось, что подарок мой был украден; посылая второй экземпляр, поэт просил возобновить на нем надпись. Книгу я отправил Блоку через день; ответом явилось помещаемое здесь письмо»⁵¹.

И. Г. Лежнев воздержался в свое время от публикации письма на страницах «Новой России», считая, что: «Письмо Блока <...> как мне кажется, общего характера не имеет»⁵². На самом деле письмо чрезвычайно интересно, так как содержит развернутые оценки Блоком русской поэзии XIX в. Впервые оно было опубликовано В. Н. Орловым в 27/28 томе «Литературного наследства» по автографу, который Садовской продал Государственному литературному музею (ныне письмо хранится в ЦГАЛИ). Впоследствии это письмо неоднократно печаталось в собраниях сочинений Блока. Подлинность блоковского автографа вне всяких сомнений.

Местонахождение автографов двух других писем (Брюсова и Розанова) на сегодняшний день нам неизвестно. Рукописная копия всех трех писем в конце концов попала к В. Н. Орлову и осталась в его фонде (сейчас в составе материалов Орлова она поступила в ЦГАЛИ). Письмо Брюсова является ответом на книжку критических статей Садовского «Озимь», где бывший ученик Брюсова выступил его литературным антагонистом. Письмо это было опубликовано Орловым в журнале «Аврора», 1973, № 12. Письмо Розанова в печати не появлялось.

Возникает вопрос, не являются ли и эти два письма (Брюсова и Розанова) очередными мистификациями? Однозначный ответ дать трудно. Отсутствие автографов и точной датировки наводит на некоторые подозрения. Однако одновременно с ними Садовской направил в редакцию «Новой России» заведомую фальшивку — «Солдатскую сказку» — и психологически должен бы был стремиться растворить сочиненный им текст в большом количестве авторитетных подлинных материалов. Если отнести к таким материалам подлинное письмо Блока, то получается значительный перевес в сторону подделок, а ведь публикация «Солдатской сказки» — это одна из первых попыток Садовского проникнуть со своей мистификацией в печать, и он, казалось бы, должен быть очень осторожен.

Стиль письма Розанова выдержан безукоризненно. Это его язык, его идеология. Если предположить, что перед нами имитация Садовского, то надо признать, что до такого полного проникновения в дух и букву стилизуемого источника он прежде никогда не доходил. К тому же пока не обнаружено других примеров, когда Садовской подделывал письма, адресованные к нему, — до сих пор мистифицировалось художественное творчество, записки, мемуары вымышленных или реальных лиц.

Вероятно, письма Брюсова и Розанова все же подлинные. Однако повторим еще раз, что однозначный ответ дать трудно. Слишком уж «темновато» происхождение многих текстов, идущих от Садовского. Слово — за не попавшими пока в поле зрения исследователей архивными материалами, которые могут хранить ответы на поставленные вопросы.

* * *

Статья была уже набрана, когда М. Д. Эльзон любезно сообщил нам, что «блоковско-есенинское» стихотворение «За сухое дерево месяц зацепился» под названием «В роще» за подписью Б. Садовского было опубликовано в газете «Нижегородский листок» 1912, № 299 от 8 ноября, а в якобы написанном Есениным экспромтом «Подражании Борису Садовскому» («Под икольскою березой...») вторая строфа почти дословно совпадает со стихотворением Садовского «На мельнице», помещенном в той же газете 16 января 1912 г. Приносим М. Д. Эльзону сердечную благодарность за важное дополнение.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Новая Россия», 1926, № 3, стлб. 90.

² «Печать и революция», 1928, кн. 2, с. 94—95.

³ «Записки Русского императорского географического общества. Отделение этнографии», т. 1. СПб., 1867, с. 655—659; «Записки Русского императорского географического общества. Отделение этнографии», т. 41, Пг., 1914, с. 430—434.

⁴ А. А. Б л о к. Полн. собр. соч. в 12 томах, т. 12. Л., 1936, с. 285—289. В этом же томе «Солдатская сказка» отмечена в «Хронологическом указателе прозы Блока» под январем 1915 г. (с. 309).

⁵ ЛН, т. 27/28. М., 1937, с. 574, прим. 14.

⁶ ЦГАЛИ, ф. В. Н. Орлова, новое поступление.

⁷ ЛН, т. 27/28, с. 574, прим. 14.

⁸ См.: «Русский фольклор. Материалы и исследования», вып. 3. М.— Л., 1958, с. 206.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: «Библиотека А. А. Блока. Описание», т. 1. Л., 1984. Впрочем, современники свидетельствуют, что после революции Блок продавал некоторые ненужные ему книги (наст. том, кн. 2, с. 264, прим. 14).

¹¹ Андреем Белым.

¹² ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 83, л. 1. Слова, выделенные курсивом, подчеркнуты в тексте письма.

¹³ Там же, л. 2 об.

¹⁴ Там же, оп. 4, ед. хр. 18, л. 1—7.

¹⁵ «Записки Русского императорского географического общества. Отделение этнографии», т. 41, с. 430.

¹⁶ За консультации при атрибуции почерка Ведерникова приношу благодарность К. Н. Суворовой и В. П. Коршуновой.

¹⁷ ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 37, л. 7.

¹⁸ Там же, л. 1.

¹⁹ Там же, оп. 2, ед. хр. 33.

²⁰ Там же, оп. 1, ед. хр. 1, л. 108.

²¹ Там же, ф. 612, оп. 3, д. 7, л. 1, № 2^a.

²² Г. Х е т с о. Евгений Баратынский. Жизнь и творчество. Осло, 1973, с. 23.

²³ П. П. Ф и л и п о в и ч. Жизнь и творчество Е. А. Боратынского. Киев, 1917, с. 42.

²⁴ Е. Ф. Н и к и т и н а. Русская литература от символизма до наших дней. М., 1926, с. 385—386. Отметим также множество неверных сведений в приведенной там же библиографии Садовского; может быть, и они не случайны.

²⁵ ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 2, ед. хр. 57, л. 11; ед. хр. 16, л. 1 об. См. также: «Русская литература», 1982, № 3, с. 205—206.

²⁶ Не перешла ли к одному из этих учебных заведений богатая библиотека Нижегородской губернской архивной комиссии?

²⁷ «Летопись Дома литераторов», 1921, № 3, с. 7.

²⁸ ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 4, ед. хр. 4, л. 1.

²⁹ А. А. Б л о к. Полн. собр. стихотворений в 2 томах, т. 2. М., 1946, с. 232—233.

³⁰ ЛН, т. 27/28. М., 1937, с. 680.

³¹ Сообщено М. Л. Гаспаровым.

³² «Вечерний Тбилиси», 15 августа 1959 г.

³³ С. А. Е с е н и н. Собр. соч. в 5 томах, т. 5. М., 1962, с. 242—243; там же, с. 396.

Список «Встречи с Есениным» сделан не рукой Садовского, а неустановленным лицом (возможно, под диктовку автора).

³⁴ Неверно. Воспоминания с встречах с Есениным были написаны раньше, чем Садовской отправил в редакцию «Литературного наследства» «автопародии Блока».

³⁵ По-видимому, знакомство Садовского с Есениным на квартире поэта В. А. Юнгера имело место в действительности. Как и в других случаях Садовской разбавляет свои мистификации реальными фактами.

³⁶ ЦГАЛИ, ф. В. Н. Орлова, новое поступление.

³⁷ ЛН, т. 27/28, с. 574, прим. 11.

³⁸ А. А. Б л о к. Полн. собр. стихотворений в 2 томах, т. 2, с. 196—197; А. А. Б л о к. Собр. соч. в 6 томах (под ред. С. А. Небольсина), т. 3. М., 1971, с. 321.

³⁹ ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 2, ед. хр. 30, л. 112.

⁴⁰ Б. А. С а д о в с к о й. Полдень. Собрание стихов 1905—1914. Пг., 1915, с. 73—74.

⁴¹ ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 151, л. 2 об.

⁴² Извлеченные из архива П. Е. Щеголева «воспоминания» мифического Н. И. Попова о Степняке-Кравчинском и пять «неизданных» стихотворений Кравчинского были напечатаны в «Неделе» в 1965 г. (№ 3, с. 6—7).

⁴³ ЦГАЛИ, ф. 1702, оп. 1, ед. хр. 209.

⁴⁴ Там же, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 1, л. 123.

⁴⁵ Там же, ф. 2569, оп. 1, ед. хр. 373.

⁴⁶ ГБЛ, ф. 369, карт. 198, д. 19, л. 1—1 об.

⁴⁷ ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 2, ед. хр. 39, л. 65.

⁴⁸ В кн.: «Письма Александра Блока». Л., 1925, с. 117.

⁴⁹ А. А. Б л о к. Полн. собр. соч. в 12 томах, т. 5. Л., 1933, с. 326.

⁵⁰ Н. Г. Чулкова в «Воспоминаниях о Блоке» также подтверждает, что в экспромте упомянут альманах, считая, однако, что речь идет о подготовке Блоком стихотворений для этого издания («Нева», 1980, № 11, с. 187).

⁵¹ ЦГАЛИ, ф. В. Н. Орлова, новое поступление.

⁵² Там же, ф. 464, оп. 1, д. 83, л. 2 об. Выделенное курсивом подчеркнуто в тексте письма.